

ФИЛИП К. ДИК

ЛАБИРИНТ

СМЕРТИ

**PHILIP
K. DICK**

Филип Дик
Лабиринт смерти

«ЭКСМО»

1970

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Дик Ф. К.

Лабиринт смерти / Ф. К. Дик — «Эксмо», 1970

ISBN 978-5-04-095775-0

Четырнадцать странников прибывают на планету Делмак-0. Тринадцать прилетают по контракту колонистов, а один, теолог, – ради молитвы. Они слишком поздно понимают, что в этом таинственном месте, где даже атмосфера словно вызывает паранойю и психоз, их молитвы бесполезны. Ибо на Дельмак-0 Бога не существует, либо Он намерен уничтожить Свои творения.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-095775-0

© Дик Ф. К., 1970

© Эксмо, 1970

Содержание

От автора	6
Глава 1,	7
Глава 2,	11
Глава 3,	18
Глава 4,	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Филип К. Дик

Лабиринт смерти

*Посвящаю эту повесть
дочерям Лоре и Айсе*

Philip K. Dick
A MAZE OF DEATH

Copyright © 1970, Philip K. Dick
All rights reserved

Фотография автора © Isa Dick Hackett

© Г. Корчагин, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

От автора

В основе произведения лежит теологическая конструкция, не имеющая аналога в мировых религиях, плод нашей с Уильямом Сайриллоом затеи разработать абстрактно-логическую систему религиозного мышления, основанную на произвольном постулате существования Бога. Следует добавить, что позднее в этом принял участие епископ Джеймс А. Пайк, предоставив в ходе дискуссии обширный теологический материал, с которым ранее я знаком не был.

Картины загробной жизни героини повести Мэгги Уолш во всех деталях совпадают с моим опытом употребления ЛСД.

В «Лабиринте смерти» весьма субъективное отношение к происходящему. Мне хотелось, чтобы в каждый конкретный момент реальность воспринималась читателем не напрямую, а опосредованно, через сознание персонажа. Поэтому точка зрения меняется от главы к главе, хотя большинство событий видится глазами Сета Морли.

Сведения о Вотане и гибели богов почерпнуты в основном из «Der Ring des Nibelungen»¹, то есть из вагнеровской версии эпоса; к исходным мифам я обращался реже.

Ответы на вопросы тенча взяты из древнекитайской «Книги Перемен», иначе «И-цзин»; «Текел Упарсин» – из знаменитого арамейского изречения: «Мене, мене, текел, упарсин» – «Исчислено, исчислено, взвешено, разделено». Арамейский – язык Иисуса Христа. Жаль, что таких, как Он, больше нет.

¹ «Кольцо нибелунга» (нем.). (Здесь и далее примечания переводчика.)

Глава 1, в которой Бен Толчиф выигрывает домашнего кролика в лотерею

Кроме скуки, работа ему не давала ничего, и вот неделю назад терпение лопнуло. Поэтому он прошел в радиорубку и соединил шлейф с вживленными в шишковидную железу электродами. Молитва перебралась из мозга в передатчик, из передатчика скакнула на ближайший ретранслятор, за считанные дни пронеслась по всей галактике и, как он надеялся, достигла одного из Господних миров.

Молитва была незамысловата.

«Складской учет – это совершенно не по мне, – жаловался он. – С одной стороны, корабль слишком велик и рутина заедает, а с другой, перекомлект штата, я тут вроде запасной детали. В общем, тоска смертная. Мне бы чем-нибудь творческим заняться, стимулирующим работу мозга. Окажи милость, посодействуй».

Разумеется, молился он Заступнику. Не дождавшись отклика, обратился бы к Мыслетворцу. Но молитва дошла с первого раза.

В рабочую кабинку заглянул начальник:

– Мистер Толчиф, получена радиограмма о вашем переводе. Как вы поступите?

– Сейчас же отправлю благодарственную молитву! – вскинулся Бен. Да и как тут не обрадоваться, божественный отклик дорогого стоит. – И когда улетать, скоро? – Недовольства работой он и раньше от вышестоящих не скрывал, а теперь и вовсе ни к чему.

– Сущий богомол, – хмыкнул шеф.

– А вы что, разве не молитесь? – опешил Бен.

– Молюсь, когда другого выхода не вижу. Уважения достоин тот, кто свои дела улаживает сам, без посторонней помощи. Впрочем, что тут спорить, мы же с вами расстаемся. – Перед Беном на стол упал лист бумаги. – Планета Дельмак-Ноль, крошечная колония. Сам о ней слышу в первый раз, ну а вы все узнаете по прибытии. – Шеф задумчиво посмотрел на Бена. – Можете взять один из наших штатных носачей, с вас три серебряных доллара.

– Годится! – вскочил со стула Бен и схватил документ.

Скоростной лифт доставил его в радиорубку. Передатчик деловито гудел, в эфир шла рутинная бортовая информация.

– В ближайшее время будет «окошко»? – поинтересовался Бен. – У меня еще одна молитва, но злоупотреблять, конечно, не хотелось бы...

– Вот и не злоупотребляй, – проворчал радист. – Старик, имей совесть: неделю назад была уже молитва от тебя, сколько же можно? Нынче все по минутам расписано, до конца дня.

«Но я все-таки пытался, – размышлял Бен по пути из радиорубки в свою каюту. – Если однажды спросят, честно отвечу: рация была занята, по всем каналам служебный обмен...»

Его охватило возбуждение. Ну вот, сбылась наконец мечта о творческой работе. И случилось это как нельзя кстати.

– Еще неделя-другая пытки, и снова бы ушел в запой, как в недобрые старые времена, – размышлял он вслух. И тут его осенило: – Так вот почему они дали «добро»! Поняли, что я уже на грани срыва. Еще чуть-чуть, и сидеть бы мне в судовой каталажке, в компании с...

Кстати, сколько там бедолаг мыкается? С десятков вроде? Скромная цифра для такого громадного корабля. И с таким жестким уставом.

В верхнем ящике тумбочки дождались своего дня три четверти литра виски «Питер Доусон». Бен сорвал с бутылки печать, свинтил пробку. «Отметим слегка, – сказал он себе,

наполняя бумажный стаканчик. – Как-никак, праздник. Боги ценят всякие ритуалы». Он выпил и снова налил.

Захотелось придать торжественности «празднику», и он, поколебавшись, полез за книгой А. Дж. Спектовски «Я воскрес из мертвых на досуге и согласен поделиться опытом с тобой». Дешевая, с мягкой обложкой, – но этого трактата в других изданиях у него отродясь не бывало. По какой причине Бен имел к нему сентиментальную привязанность. Сейчас он использовал томик для гадания самым надежным методом, то есть раскрыв наобум и перечитав несколько знакомых параграфов *apologia pro vita sua*² коммунистического теолога XXI века.

«Бог не сверхъестествен, Его бытие стало первым и самым естественным способом самотворения существа».

А ведь верно, подумал Бен. Недавно это подтвердилось теологическими исследованиями. Спектовски в той же мере пророк, что и логик, рано или поздно все его предсказания исполняются. Правда, еще очень многое предстоит выяснить... Например, как удалось возникнуть Мыслетворцу. Либо надо удовлетвориться версией Спектовски, будто сущности такого высокого порядка являются самозарождающимися и обитают вне времени, а следовательно, и причинности. Но почти все остальные знания – здесь, на страницах многожды переиздававшейся книги.

Чем дальше от центра, тем слабее Божья сила, благодать и ведение, поэтому на периферии внешнего, крупнейшего из колец Его благодать минимальна, Его ведение слабо, и Он уже не в силах надзирать за Разрушителем Формы, причиной возникновения коего стал божественный акт творения формы. Происхождение Разрушителя Формы пока еще загадка. К примеру, непонятно: 1) существовал ли он отдельно от Бога с самого начала, возникнув путем самозидания, без Божественного промысла, или 2) Разрушитель Формы – один из аспектов Бога...

Бен прервал чтение, хлебнул шотландского и помассировал лоб – давала о себе знать усталость. Ему уже сорок два, и книга Спектовски перечитана многократно, и профессий, самых разных, он сменил немало. Но что хорошего дали прожитые годы? Как ни старался угодить работодателям, выдвинуться так и не удалось. Может, на новой работе это получится? Может, это и есть тот самый главный в жизни шанс?

Сорок два... Вот уже который год его пугают мысли о возрасте, и каждый раз он пытается понять, куда девался тот стройный двадцатилетний парень. Еще год в плюс – и страшнее роковая цифра, и острее конфликт между нею и представлением Бена о себе. Мысленно он по-прежнему видит себя молодым и падает духом, когда на глаза попадает его свежий фотоснимок. Даже обзавелся электробритвой, чтобы только не видеть себя в зеркале по утрам. «Как будто у меня забрали прежнюю внешность, а взамен дали этот хлам», – вздыхал он иногда. Ну да что уж тут поделаешь.

Из многих перепробованных им занятий только одно вспоминалось не без ностальгии. В 2015 году он отвечал за музыкальный фон на борту корабля-исполина, летевшего колонизировать одну из планет Денеба. В фонотеке обнаружили все бетховенские симфонии вперемежку со струнными версиями «Кармен» и произведениями Делиба, и он тысячи раз ставил свою любимую «Пятую»; она разносилась проводами и динамиками во все каюты и производственные отсеки. Удивительное дело – никто не жаловался, и поэтому Бен очень не скоро добрался до «Седьмой», а затем, под конец путешествия, до «Девятой», которой и остался верен с тех пор.

«А может, мне на самом деле нужен сон? – подумал Бен. – Сумеречное бытие под негромкие звуки Бетховена? Все же прочее – морок...»

Нет, решил он, я желаю быть! Действовать, свершать. И с каждым годом желание все сильнее. И с каждым годом все меньше надежд на его исполнение. Самое главное в Мысле-

² Оправдание своей жизни (лат.).

творце – это обновление всего сущего. Он способен прервать процесс разрушения, заменив ветшающий объект новым, с совершенной формой. Потом опять распад, этим занимается Разрушитель Формы. И снова Мыслетворец дает замену. Так старые пчелы, износившие крылья, умирают и уступают место новым. Но я на такое не способен. Я распадаюсь, пребывая во власти Разрушителя Формы. И чем дальше, тем хуже.

Господи, помоги, подумал он.

Но только не заменяй меня! С космологической точки зрения это было бы правильно, но я не стремлюсь прекратить свое существование. Наверное, Ты это понял, иначе бы не ответил на молитву.

От виски потянуло в сон, и Бен с досадой поймал себя на клевке носом. Необходимо взбодриться, до полной ясности в голове! Он резко встал, подошел к портативному фонографу, взял наугад видеозапись и положил на вращающийся диск. Тут же осветилась стена напротив, появились четкие силуэты – смесь движения и жизни, но все неестественно плоское. Бен машинально настроил глубину изображения, фигуры обрели рельефность. Заодно он включил и звук.

– Леголас прав! Не можем мы застрелить старика вот так, без вызова, исподтишка, какие бы ни питали страхи и сомнения на его счет. Следить и ждать!

Слова древней саги возымели желаемое бодрящее действие, сонливость ушла. Возвратясь за стол, Бен взялся изучать полученный от шефа документ. Хмурился, ломая голову над зашифрованной информацией. В этих цифрах, буквах и кружках перфорации спрятались его будущая жизнь, его новый мир.

– Судя по речам твоим, ты близко знаком с Фангорном, но так ли это на самом деле?

Крутился диск, но Бен не слушал – ему уже открывалась суть послания.

– Что еще ты можешь добавить к сказанному при нашей прошлой встрече? – пытал резкий, властный голос.

Бен поднял глаза и обнаружил перед собой облаченного во все серое Гэндальфа. Тот как будто обращался к нему, Бену Толчифу. Как будто отчета требовал.

– Или желал бы умолчать кое о чем?

Бен встал, снова прошел к фонографу, выключил.

«В этот раз, Гэндальф, я едва ли смогу тебе ответить, – подумал он. – Воображаемая беседа с мифологическим персонажем, едва ли существовавшим в действительности, – непозволительная роскошь. Нынче вдруг рухнули мои прежние ценности, и надо срочно разобраться с этими дырками, буквами и цифрами».

Бен аккуратно, но до упора привинтил к бутылке колпачок. Общий смысл документа уже становился ясен. Он полетит на носаче, один. В колонии примерно дюжина человек, набранных в разных местах. Пятый квалификационный разряд, производственные процессы группы В, тарифная ставка К-4. Максимальный срок найма – два года. Полная пенсия и медицинский пакет, причем трудовой договор действует со дня прибытия. В связи с немедленным отъездом Бена отменяются все ранее полученные в прежней должности инструкции. То есть не надо здесь доводить дела до конца.

Еще у меня есть три серебряных доллара на носача, бодро сказал он себе. А значит, все в порядке, беспокоиться не о чем. Разве что...

Бен понятия не имел о том, какая работа ему предстоит. Буквы, цифры и дырки ничего на этот счет не говорили. Или, возможно, он просто не сумел вытянуть из них этой самой важной информации.

Но все равно перспективы выглядели радужными. Мне это нравится, сказал он себе. Соглашаюсь! Берусь!

«Так что, Гэндальф, – подумал он, – мне сейчас умалчивать не о чем. Бог очень редко отвечает на мольбы, а со мною это случилось».

Вслух же он произнес:

– Гэндальф, тебя давно нет, ты живешь только в людском воображении. А я сегодня получил подарок от совершенно реального Бога, Единого, Истинного и Сущего. О чем еще можно мечтать?

Ответом была тишина в каюте. Гэндальфа не видать – Бен вспомнил, что минуту назад выключил фонограф.

– Может, наступит день, – продолжал он, – когда мне захочется об этом умолчать. Но сейчас – нет. Понятно?

Он постоял, вслушиваясь в тишину, которую мог остановить и возобновить прикосновением к кнопке фонографа.

Глава 2, в которой хозяин исправляет ошибки в мировоззрении Сета Морли

Ножом с пластмассовой рукояткой Сет Морли разделил круг сыра грюяра и сказал:

– Я улетаю.

Отрезал внушительный ломоть, поднес на ноже ко рту и добавил:

– Сегодня в ночь. Прощай навсегда, Текел Упарсин.

Сет ухмыльнулся, но главный инженер кибуца Фред Госсим торжества не разделял. Он лишь сильнее нахмурился; его неодобрение казалось осязаемым, прямо-таки заполняло кабинет.

– Муж еще восемь лет назад попросил о переводе, – напомнила Мэри Морли. – Мы с самого начала не планировали здесь остаться. И тебе это известно.

– И мы полетим с вами, – вмешался в разговор возбужденный Майкл Ниманд. – Фред, а на что ты, собственно, рассчитывал, заставляя первогоклассного морского биолога таскать каменные блоки из каменоломни? Нам всем тут давно осточертело! Правильно говорю? – пихнул он локтем свою миниатюрную жену Клер.

– На всю планету ни одного приличного водоема, – проворчал Госсим. – Как тут найти для морского биолога работу по профессии.

– Но восемь лет назад ты давал объявление именно насчет морского биолога, – возразила Мэри, отчего Госсим еще сильнее скривился. – Не спорь, признай свою ошибку.

– Но это же ваш дом и наш... – махнул инженер рукой на столпившуюся в дверях администрацию кибуца. – Мы его все вместе построили.

– А этот сыр такая чудовищная гадость, – добавил Сет. – И квакеры, козоподобные суборганизмы. Воняют хуже, чем прошлогодние кальсоны Разрушителя Формы. Вот бы увидеть, как им придет конец, в смысле, квакеры и сыру. – Он отрезал еще кус дорогого импортного грюяра и обратился к Ниманду: – Вам с нами нельзя. У нас инструкция лететь на носаче. А: в носач помещаются двое. Бэ: ты и твоя жена – это еще двое. Эрго, не поместитесь. Эрго, не полетите.

– Мы сами можем носача взять, – заявил Ниманд.

– У вас ни инструкции, ни разрешения переселиться на Дельмак-Ноль, – проговорил с набитым ртом Сет.

– Ты просто не хочешь жить вместе с нами.

– А кто хочет? – буркнул Госсим. – Без вас и мы прекрасно обошлись бы. Вот Морли сливать в канализацию жалко.

Сет мрачно посмотрел на него в упор:

– По-твоему, это назначение – априори слив в канализацию?

– Насколько я понял, там что-то вроде эксперимента, – ответил Фред. – Крошечный поселок, не то тринадцать, не то четырнадцать человек. Все равно что пустить часы вспять и перенестись в день основания Текела Упарсина. Хочешь все заново строить, на ровном месте? Да ты вспомни, чего нам стоило набрать сотню дееспособных и благонамеренных членов. Вот ты Разрушителя Формы поминаешь, так скажи: разве твой поступок не разлагает форму Текела Упарсина?

– И мою заодно, – ответил Морли не столько Фреду, сколько себе.

У него здорово испортилось настроение. Госсим никогда не жаловался на отсутствие красноречия – редкое свойство для инженера. Именно стараниями этого златоуста чета Морли застряла в кибуце на несколько лет, причем трудилась не покладая рук. С годами убедитель-

ность его слов основательно выдохлась, и сейчас они не произвели впечатления, но все же напомнили о своем былом могуществе. Сет не мог просто отмахнуться от дородного темно-глазого технаря.

«Но мы все равно улетаем, – подумал Морли. – Как там в “Фаусте” Гёте? “В начале было дело”. Дело, а не слово, подчеркнул Гёте, предвидя экзистенциалистов двадцатого века».

– Еще обратно попроситесь, – пообещал Госсим.

– Гмм... – протянул Сет.

– Догадываетесь, что я на это отвечу? – повысил голос инженер. – Что я скажу, если от вас, обоих Морли, поступит просьба о поселении в кибуце Текел Упарсин? Я скажу: нам не нужен морской биолог, ведь здесь даже океана нет. И мы не собираемся копать пруд, чтобы легализовать эту должность.

– Насчет пруда я никогда не просил, – заметил Морли.

– Но ведь не отказался бы.

– Я бы от любого водоема не отказался. В том-то и дело: водоема здесь нет, поэтому мы улетаем и не вернемся.

– Думаешь, на Дельмаке-Ноль водоем найдется? – спросил Госсим.

– Полагаю... – начал Морли, но Госсим перебил:

– Ты и насчет Текела Упарсина так полагал. С этого-то и начались твои проблемы.

– Полагаю, – твердо произнес Морли, – что если ты подавал заявку на морского биолога... – Он вздохнул, почувствовав усталость. Бессмысленно что-то доказывать председателю и инженеру кибуца, это донельзя упертый субъект. – Дай мне сыр доесть. – Сет отрезал еще ломтик. Но и сыр набил ему оскомину. – Черт с ним. – Он бросил на стол нож. Настроение испорчено, от Госсима тошнит. Но все это ерунда. Сейчас лишь одно имеет значение: Госсим не может отменить перевод. Распоряжение пришло с самого верха, оно подлежит безоговорочному исполнению, «и это от и до про то», говоря словами Уильяма Гилберта³.

– Как же я тебя ненавижу, – процедил Госсим.

– А я тебя, – не остался в долгу Сет.

– Мексиканский стенд-офф⁴, – произнес Ниманд. – Видишь, Госсим, не в твоих силах нас удержать. Только орать и можешь.

Госсим сделал Морли и Ниманду неприличный жест и зашагал к выходу. Растолкал собравшихся в дверях зевак и исчез снаружи. В помещении стало тихо. Сету Морли мигом полегчало.

– Так утомляют эти споры, – пожаловалась ему жена.

– Да, – согласился он. – И Госсим меня утомляет. От одного сегодняшнего разговора устал, что уж тут говорить о восьми годах. Пойду выберу носач. – Он встал и вышел из правления под горячее солнце.

«Удивительная штукавина этот носач, – говорил он себе, стоя на краю маленького космодрома и глядя на ряд неподвижных корабликов. – Во-первых, невероятно дешев, его можно заполучить в собственность меньше чем за четыре серебряных доллара. Во-вторых, это вещь одноразового использования. Причина проста: носач слишком мал, чтобы топлива хватило на путь в оба конца. Он может только оттолкнуться от корабля-матки или от планеты, взять курс на цель и вскоре по прибытии рассыпаться в пыль. Но задачу свою он выполняет. Разумные расы, люди и нелюди, косяками путешествуют по галактике на этих стручкообразных суденышках».

³ У. С. Гилберт. Из либретто к опере «Принцесса Ильда».

⁴ Мексиканский стенд-офф – ситуация, когда три человека одновременно направляют друг на друга оружие и никто не может выстрелить первым без стопроцентного риска быть убитым. Этот прием часто используется в кинематографе.

«Прощай, Текел Упарсин», – мысленно проговорил Морли и коротко отдал честь рядам оранжевых кустов вокруг космодрома.

Который же выбрать? Все одинаковы на вид: ржавые, ветхие. Как ассортимент рынка подержанных автомобилей на Терре.

Возьму первый же с названием на «М», решил он и стал читать надписи.

«Мрачный цыпленок». То, что нужно. Не слишком возвышенно, но подходит. Многие, и Мэри в их числе, часто упрекали Сета за угрюмость.

«Не угрюмость, а скепсис и сарказм, – подумал он. – Люди часто путают эти вещи».

Сет глянул на наручные часы: времени осталось мало, успеть бы на фабрику по переработке цитрусовых. Туда он и направился.

– Десять пол-литровых банок мармелада «АА», – потребовал он.

Или Сет возьмет банки сейчас, или не получит их никогда.

– А ты уверен, что они тебе причитаются? – недоверчиво спросил кладовщик, уже имевший с Сетом дело.

– Можешь выяснить у Джо Персера, сколько банок на моем счету, – зло проговорил Морли. – Давай, звони.

– Некогда мне, – буркнул кладовщик, после чего бросил не в картонную коробку, а в полиэтиленовый пакет десять банок главной продукции кибуца.

– А коробку? – спросил Морли.

– Проваливай.

Морли вынул банку, убедился, что она класса «АА». «Мармелад кибуца Текел Упарсин, – сообщала этикетка. – Изготовлен из настоящих севильских апельсинов (мутационная группа три-Б). Баночка солнечной Испании для вашей кухни или камбуза!»

– Отлично, – кивнул Морли. – И спасибо.

Он вынес из склада тяжелую, неудобную сумку и снова очутился под палящим солнцем.

Вернувшись на стоянку носачей, Сет открыл грузовой отсек «Мрачного цыпленка». «Только одним хорош кибуц – своими консервами, – думал он, размещая банку за банкой в сильном магнитном поле. – Боюсь, мне их будет не хватать».

Он обратился к Мэри через нашейную рацию:

– Я выбрал носач. Приходи на парковку, покажу.

– А он исправный?

– Уж положишься на мой опыт механика, – раздраженно ответил Сет. – Я проверил двигатель, проводку, управление, систему безопасности, все от и до. – Он сунул в грузовой отсек последнюю банку мармелада и запер дверцу.

Через несколько минут появилась жена – стройная, загорелая, в рубашке цвета хаки, шортах и сандалиях.

– Так-так, – произнесла она, осмотрев «Мрачного цыпленка». – На вид сущая развалина. Но раз ты говоришь, что все в порядке, мне остается только поверить.

– Я уже все загрузил, – сообщил Сет.

– Что ты загрузил?

Он отворил дверцу грузового отсека и показал десять банок мармелада.

– Боже мой, – сказала Мэри после долгой паузы.

– А что не так?

– Ты не проверял электрику и движок. Ты выпрашивал свой любимый мармелад, все до последней причитающейся банки. – Она в ярости хлопнула крышкой багажника. – Подчас мне кажется, мой муженек свихнулся. От исправности этого проклятого носача зависит наша жизнь. А ну как откажет система воздухообмена или отопления? Что, если в корпусе микроскопические течи?

– Позови братца, пусть он все сделает как надо, – перебил Сет. – Уж коли ты ему гораздо больше веришь, чем мне.

– Знаешь же: он занят.

– Конечно, иначе уже был бы здесь, на моем месте, – усмехнулся Сет. – Выбирал бы для нас надежное транспортное средство.

Жена впиалась в него взглядом, вся ее поза выражала гневный протест. И вдруг это сменилось покорностью пополам с весельем. Мэри расслабилась.

– Удивляюсь твоей везучести, особенно если ее сравнить с талантами. Наверное, ты выбрал лучший носач на этой площадке. Но не потому, что видишь разницу, а потому, что везет, как мутанту.

– Это не везение, а трезвый расчет.

– Вот уж черта с два, – затрясла головой Мэри. – Расчет и близко не лежал. Что-то другое. Ну да ладно, берем носач и проверяем удачу – авось и в этот раз он тебя не подведет. Но все же ответь, Сет, как ты можешь так жить? – произнесла она с упреком, глядя мужу в лицо. – Ведь это несправедливо по отношению ко мне.

– Благодаря мне мы пока в порядке.

– Благодаря тебе мы попали в эту... в этот кибуц, – напомнила Мэри. – На восемь лет.

– Но теперь выберемся, причем моими стараниями.

– И окажемся там, где еще хуже, это как пить дать. Что нам известно о новом месте? Ничего, кроме того, о чем знает Госсим. А он знает, потому что присвоил себе право читать чужую переписку. Прочел и твою молитву... Я тебе не говорила, потому что представляла, как взбесишься...

– Вот же подонок! – В душе Сета всколыхнулась ярость – огромная, красная, бессильная. – Чужую молитву читать – это преступление против нравственности.

– Он тут главный. Втемяшил себе в голову, что отвечает за все. Ну да, слава богу, скоро мы будем далеко отсюда. Остынь. Все равно от тебя ничего не зависит. Он прочел еще несколько лет назад.

– И не сказал, понравилась ли ему моя молитва?

– Если бы и понравилась, Фред Госсим никогда бы в этом не признался. Думаю, понравилась. Должно быть, она хорошая, раз удовлетворили твою просьбу.

– Должно быть. Ведь столько молитв от евреев осталось без ответа из-за того договора, заключенного еще до появления Заступника, когда была так велика власть Разрушителя Формы, а наша связь с ним... в смысле, с Богом, осложнялась помехами...

– Могу представить, что бы ты делал, если бы жил в те времена. Брюзжал бы по поводу всего, что сказал или сделал Мыслетворец.

– Я бы стал великим поэтом, – возразил Сет. – Вроде Давида.

– Ты бы и там стал неудачником. – Мэри решительно зашагала прочь, оставив мужа в обществе молчаливого носача и уложенных в его багажник банок с мармеладом.

Снова поднялось в нем бессилие, комом забило дыхательное горло.

– Стой! – крикнул он жене вслед. – А то без тебя улечу.

Она шла под жгучим солнцем, не оглядываясь и не отвечая.

До конца дня Сет Морли размещал пожитки на борту «Мрачного цыпленка». Мэри не появлялась. Вот уже пора ужинать; все дела сделаны. «Где же она? – задал себе вопрос Сет. – Так нечестно!»

Настроение испортилось, как всегда бывало к сроку приема пищи. «Интересно, стоит ли оно того? Менять одну паршивую работу на другую... Я неудачник, Мэри права. Даже с таким делом, как выбор носача, не могу толком справиться. Да еще столько провозился, набивая его барахлом...»

Он засунул голову в салон кораблика, рассматривая неаккуратно уложенные предметы одежды, книги, видеозаписи, кухонную утварь, пишмашинку, медикаменты, рисунки, «вечные» покрывала для дивана, шахматы, пленки со справочниками, аппаратуру связи – хлам, хлам, хлам... Абсолютно ничего стоящего. Да вдобавок далеко не все удалось запихать в носача. Сколько вещей придется выбросить или отдать кому-нибудь...

«Лучше испортить, – мрачно подумал он. – Идея делиться имуществом с кем бы то ни было мне не нравится категорически. Сожгу дотла, но не отдам. Даже все это яркое, пестрое тряпье, которое Мэри натащила в дом, как сойка тащит в гнездо блестящий мусор».

«Сложу в сторонке ее барахло, – решил он, – а свои вещи возьму на борт. Это ее вина. Не осталась ведь, не помогла. Тем хуже для нее».

И вдруг, прижимая к груди ворох одежды, он увидел в вечернем сумраке приближающийся силуэт.

Кто бы это мог быть? Сет напряг зрение.

Не Мэри. Мужчина. Или кто-то очень похожий на мужчину. В просторном одеянии, с длинными кудрями, спадающими на смуглые рельефные плечи. Сету Морли стало страшно. «Ходящий-по-Земле, – сообразил он. – Явился, чтобы меня остановить».

Дрожа, он положил одежду на бетон. Проснулась совесть и вонзила в него зубы; на сердце навалилась совокупная тяжесть всех дурных поступков. Сколько месяцев или даже лет назад он видел в последний раз Ходящего-по-Земле? За это время накопилось невыносимое бремя грехов. Их отпечаток останется на душе до тех пор, пока его не сотрет Заступник.

Силуэт остановился перед Сетом.

– О, мистер Морли, – услышал он.

– Да. – Сет почувствовал, как на темени выступил пот. Струйки побежали по лицу, он попытался смахнуть их тыльной стороной кисти. – Я устал, – признался он. – Несколько часов кряду грузил вещи. Трудная это работа.

– Носач, тобою выбранный, «Мрачный цыпленок», не довезет до Дельмака-Ноль тебя и семью твою. А посему, дорогой друг, я вынужден вмешаться. Понятно ли это тебе?

– Конечно, – ответил Сет, задыхаясь от стыда.

– Возьми другой.

– Да, – торопливо закивал Сет. – Да, так и сделаю. Спасибо! Огромное спасибо. Ты нам с Мэри жизнь спас.

Он всматривался в туманное лицо Ходящего-по-Земле, искал упрек в его выражении. Но трудно было что-то различить; солнце утонуло за горизонтом, его последние лучи растворялись в ночной мгле.

– Мне жаль, что напрасным оказался труд твой.

– Но зато...

– Я помогу тебе перенести добро твое. – Ходящий-по Земле протянул руки и нагнулся, а затем понес целый штабель коробок между безмолвными носачами. – Советую этот взять, – буднично произнес он, останавливаясь возле одного из суденышек и отворяя дверцу. – Пусть неказист он, зато механика в исправности полной.

– Отлично, – сказал Сет, торопясь следом с охапкой вещей. – В смысле спасибо. Наружность и впрямь не имеет значения, главное, что внутри. Это и к людям относится, не только к носачам.

Он рассмеялся, но звук получился неприятным, резким, похожим на визг. Сет тотчас умолк; пот, собравшийся на шее, сделался холодным от страха.

– Нет причин бояться меня, – сказал Ходящий.

– Умом я это понимаю, – вздохнул Сет.

Некоторое время они работали молча, переносили коробку за коробкой из «Мрачного цыпленка» в надежный носач. Надо было что-то сказать; Сет понимал это, но слова упорно

не шли с языка. От страха плохо соображала голова; блестящий интеллект, в который он так верил, померк.

– О надобности в психиатрической помощи не думал ли ты? – спросил наконец Ходящий.

– Нет, – ответил Сет.

– Давай же прервемся и отдохнем. И поговорим немного.

– Нет.

– Отчего же – нет?

– Я не желаю ничего знать, – сказал Сет. – Я не хочу ничего слышать.

Он поймал себя на том, что не говорит, а почти блеет – от слабости, от невежества, от безумного страха. Слышал истерические нотки, понимал, что с ним происходит, и цеплялся за это состояние.

– Да, я несовершенен, – произнес он. – Но тут уже ничего не поделаешь. И меня это устраивает.

– Определить, что неисправен «Мрачный цыпленок», не удалось тебе.

– Мэри права насчет моей удачливости. Обычно везет...

– Она погибла бы с тобою вместе.

– Вот и скажи ей об этом.

«Только мне не говори, – подумал он. – Пожалуйста, ничего мне больше не говори. Не хочу знать!»

Несколько секунд Ходящий молча смотрел на него. Наконец спросил:

– Ты ничего не желаешь сказать мне?

– Огромное спасибо, не передать, как я благодарен. За твоё явление...

– В последние годы ты часто думал о том, что сказал бы мне, если бы встретиться довелось. Многие просьбы рождались в уме твоём.

– Я... забыл, – хрипло проговорил Сет.

– Могу ли я благословить тебя?

– Конечно, – просипел Морли едва слышно. – Но почему? Что я такого сделал?

– Горжусь я тобою, вот ответ.

– Почему?

Сет был совершенно растерян. Он-то ждал порицания.

– Когда-то давно, много лет назад, был у тебя кот, и любил его ты. Пророрлив он был и лукав, но ты, несмотря ни на что, оставался верен приязни своей. И вот однажды нашел он на помойке труп марсианского корня-канюка, проглотил кости острый кусок и дух испустил. Опечалился ты, но не разлюбил кота своего. Неразборчивость в пище, сама животная сущность его довели до смерти злосчастного кота. Ты бы все отдал за то, чтобы снова он жив оказался – но таким, каким был, пройдохю дерзким. Ведь именно таким и любил его ты. Понятны ли тебе слова мои?

– Да, я тогда молился, – кивнул Сет, – но помощи не получил. А ведь Мыслетворец мог бы промотать время назад и воскресить его.

– Хочешь ли ты сейчас, чтобы вернулся кот твой?

– Да, – хрипло подтвердил Сет.

– А к психиатру обратишься ли?

– Нет.

– Благословляю тебя. – Правая рука Ходящего-по-Земле сделала медленный, исполненный достоинства жест.

Сет Морли опустил голову, прижал ладонь к глазам... и обнаружил, что впадины заполнены горькими слезами. Услышанное изумило его. «Старый мой котофей... Я уже и забыть успел эту шельму. Но нет, – мысленно обратился он к себе, – видать, ничего не забывается. Все лежит где-то в глубине разума, дожидаясь своего часа».

- Спасибо, – вымолвил он.
- Ты снова увидишь его, – пообещал Ходящий, – когда окажешься с нами в раю.
- Ты в этом уверен?
- О да.
- И он будет в точности таким, как прежде?
- Воистину.
- И вспомнит меня?
- Он и ныне помнит тебя. Он ждет. Он ждал все эти годы.
- Спасибо, – повторил Морли. – Мне теперь гораздо лучше.
- И Ходящий-по-Земле удалился.

Свою жену Сет обнаружил в кибуце, за столиком в темном углу кафе. Она ела лопатку ягненка под соусом карри. Когда перед ней уселся супруг, едва кивнула.

- Обед пропустил, – заметила Мэри. – На тебя не похоже.
- Я видел Его, – коротко сообщил Сет.
- Кого? – хмуро посмотрела Мэри ему в лицо.
- Ходящего-по-Земле. Он явился предупредить, что выбранный носач нас погубит. Сами бы нипочем не заподозрили.
- Говори за себя, – возразила Мэри. – Я-то сразу поняла, что эта... штуковина нас не доведет.

- Мой кот жив, оказывается, – поведал ей Сет.
- Нет у тебя никакого кота.

Сет схватил жену за руку, остановив движение вилок.

– Ходящий обещал, что все будет в порядке. Мы доберемся до Дельмака-Ноль, и я получу новую работу.

- Ты хоть спросил, что это за работа?
- Нет. А разве надо было спрашивать?
- Вот же олух. – Она рывком высвободила руку и воткнула в мясо вилку. – Ладно, расскажи хоть, как Он выглядел.
- А ты что, разве сама не видела Ходящего?
- Не видела, и тебе это известно.
- Он красив и вежлив. Простер длань, благословил меня.
- Значит, явился в человеческом облике. Любопытно. Приди Он в виде женщины, ты бы не стал слушать...

– Жаль мне тебя, – перебил Сет. – Ради твоего спасения Он бы не пришел. Ты ведь этого не стоишь.

Мэри бросила на стол вилку и уперла в мужа взгляд, полный звериной ярости. Какое-то время оба молчали.

- Полечу-ка я один на Дельмак-Ноль, – сказал в конце концов Сет.
- Да что ты говоришь? Неужели всерьез? Полетишь без меня? Черта с два! Чтобы я тебя одного отпустила? Без моего присмотра ты...
- Ладно, ладно, – ехидно произнес он. – Так и быть, можешь составить компанию. Иначе тебе придется связать жизнь с Госсимом, а я этого даже такому врагу не... – Он не договорил – кончился воздух в легких.

Мэри молча вернулась к еде.

Глава 3, в которой собирается компания друзей и к Сью Слат возвращаются ее способности

– Вы над поверхностью Дельмака-Ноль, высота одна тысяча миль, – прогремел в ухо Бену Толчифу головной телефон. – Пожалуйста, переключитесь на автопилот.

– Я и сам умею садиться, – ответил гарнитуре Бен и засмотрелся на раскинувшийся внизу мир, залюбовался его красками.

«Облака, – решил он. – Естественная атмосфера. И это – ответ на один из моих бесчисленных вопросов».

У него полегчало на душе, пришла уверенность. А затем возник следующий вопрос, от которого убавилось эйфории: принадлежит ли этот мир к числу Господних?

Приземлился он без труда. Потянулся, зевнул, рыгнул, расстегнул ремень безопасности, встал, враскачку прошел к люку, откинул его крышку, вернулся в кабину управления и заглушил реактивный двигатель. Заодно прекратил подачу воздуха. Вот вроде и все. Он взобрался по железным ступенькам и неловко выпрыгнул из люка на грунт.

К космодрому примыкал ряд домов с плоскими крышами – крошечная колония. В направлении носача шагало несколько человек, видимо, с намерением поприветствовать вновь прибывшего. Бен помахал руками, радуясь тяжести перчаток из кожзаменителя-полимера; они, как и другие детали громоздкого скафандра, добавляли веса его соматическому «я».

– Привет, – обратился к нему женский голос.

– Привет, – взглянул на подошедшую Бен.

Она носила темный рабочий халат и темные же брюки; наряд очень шел к простецкому круглому веснушчатому лицу.

– Это Господний мир? – спросил он, неторопливо двинувшись навстречу.

– Это не Господний мир, – ответила молодка, – но странностей тут хватает. – Она махнула рукой в сторону горизонта, а затем протянула ее Бену, сопроводив жест дружелюбной улыбкой. – Бетти Джо Бем, лингвист. Вы – либо мистер Толчиф, либо мистер Морли. Все остальные уже здесь.

– Толчиф, – ответил Бен.

– Давайте я представлю других. Вот этот пожилой джентльмен – Берт Кослер, наш сторож.

– Рад с вами познакомиться, мистер Кослер. – Рукопожатие.

– Я тоже рад знакомству, – закивал старик.

– Мэгги Уолш, теолог.

– Рад с вами познакомиться, мисс Уолш. – Рукопожатие. Симпатичная девица.

– А я рада познакомиться с вами, мистер Толчиф.

– Игнац Таг, термопластика.

– Привет.

– Привет. – Чересчур сильное, даже грубое давление на кисть. Мистер Таг Бену сразу не понравился.

– Доктор Милтон Бабл, медперсонал нашей колонии.

– Приятно познакомиться, доктор Бабл. – Рукопожатие.

Пухлый коротышка Бабл носил пеструю безрукавку. Выражение его лица показалось Бену весьма странным.

– Тони Дункельвельт, фотограф и почвовед.

– Рад встрече. – Рукопожатие.

– А этот господин – Уэйд Фрэйзер, психолог. – Долгое, чопорное пожатие руки Бена грязноватыми и влажными пальцами Фрэйзера.

– Глен Белснор, электроника и компьютеры.

– Очень приятно. – Сухая, жесткая кисть уверенного в себе технаря.

Подошла, опираясь на клюку, долговязая старуха с бледным, но одухотворенным породистым лицом.

– Мистер Толчиф, – подала она Бену худую и слабую руку, – я Роберта Рокингэм, социолог. Хорошо, что вы наконец здесь, а то мы уже заждались.

– Вы – Роберта Рокингэм?

Бен аж просиял, до того обрадовала его эта встреча. Он-то считал, знаменитая старая дама умерла несколько лет назад. И вот теперь его представили ей! Чего только не случается в жизни.

– А это Сьюзи Дам, делопроизводство и машинопись, – добавила Бетти Джо Бем.

– Рад знакомству, мисс... – Бен смущенно умолк.

– Смат, – сказала крепенькая, полногрудая девица. – Сюзан Смат. Это они думают, что удачно пошутили, прилепив мне кличку Дам⁵. – Она протянула руку для пожатия.

– Может, осмотреться желаете, или как? – спросила Бетти.

– Хочу узнать предназначение колонии. Перед отправкой мне об этом не сказали.

– Увы, мистер Толчиф, мы тоже не в курсе, – сообщила пожилая социологиня и хихикнула. – По прибытии я всем задала этот вопрос, никто не смог ответить. Пока еще нет мистера Морли, но и он вряд ли прольет свет, и что мы тогда будем делать?

– Не проблема, – сказал Бену специалист по электронике. – На орбиту запущен искусственный спутник, пять раз в сутки можно увидеть, как он пролетает в небе. По инструкции, как только явится последний колонист, то есть Морли, мы дистанционно включим магнитофон на борту спутника и получим все ответы. Ну, может, кроме ответа на вопрос: «Как добиться от холодильника, чтобы лучше холодил, а то пиво слишком теплое». Хотя, может быть, и про это расскажут.

Его слова вызвали оживленную дискуссию, и в какой-то момент Бен поймал себя на том, что участвует в ней, почти ничего не понимая.

– У нас на Бетельгейзе-Четыре были огурцы. Думаете, обычным способом выращивали, в лунном свете? Как бы не так!

– Что с того, что ни разу не видели? Все равно Он существует и когда-нибудь явится вам.

– Поскольку у нас в штате лингвист, можно предположить наличие разумных организмов на планете. Но до сих пор наши экспедиции носили неформальный характер, их едва ли можно назвать научными. Все изменится, когда...

– Ничего не изменится. Несмотря на теорию Спектовски о Боге, проникающем в историю и вновь приводящем в движение время.

– Если желаете об этом поговорить, обратитесь к мисс Уолш. Меня вопросы теологии не интересуют.

– Вы можете это повторить? Мистер Толчиф, у вас что, индейская кровь?

– Ну да, я на одну восьмую индеец. А из-за чего возник вопрос, из-за фамилии?

– Архитектуру удачной не назовешь. Постройки вот-вот развалятся. В холод не можем согреться, в жару тоже спасения нет... Хотите знать, что я думаю? Поселку отведен очень короткий срок. Для чего бы ни собрали нас здесь, долго это не продлится. А если продлится, мы будем вынуждены делать все с нуля, вплоть до электропроводки.

⁵ У многих героев «говорящие» фамилии. Смат (smart, англ.) – остроумная, находчивая; Дам (dumb, англ.) – глупая, тупая; Толчиф (tallchief, англ.) – высокий вождь, начальник; Бабл (babble, англ.) – болтовня; Таг (thug, англ.) – головорез; Дункельвельт (Dunkelwelt, нем.) – темный мир; Ниманд (Niemand, нем.) – никто.

– По ночам верещит какая-то крупная тварь. В первые дни заснуть из-за нее не сможете. Под днем я, конечно, подразумеваю двадцатичетырехчасовой период, а не светлое время суток, потому что верещит она не днем, а ночью. Каждую ночь орет, дрянь такая! Да сами услышите...

– Толчиф, вы это, Сьюзи дурой не называйте. Она ведь совсем не глупа.

– Да и хорошенькая к тому же.

– А вы заметили, как она...

– Я-то заметил, но не думаю, что стоит это обсуждать.

– Мистер Толчиф, кто вы, говорите, по профессии? А?

– Надо отвечать погромче, она глуховата.

– Я сказал, что...

– Вы ее пугаете! Не стойте так близко от нее.

– Можно мне чашку кофе?

– Попросите Мэгги Уолш, она сделает.

– Почему нельзя поставить кофейник на нормальный подогрев? Почему эта рухлядь все кипятист и кипятист?

– Ну, это вопрос. Кофеварки доведены до совершенства аж в двадцатом веке. Какие еще нас ожидают сюрпризы?

– А помните, как было с ньютоновской теорией света и цветов? Уже в конце восемнадцатого века ученые полагали, что о цветах им известно все. Но затем появился Эдвин Ленд со своей теорией светового восприятия, и как будто плотину прорвало...

– Это вы к чему? В саморегулирующихся кофейниках есть еще что-то такое, о чем мы не знаем? Только думаем, будто знаем?

– Что-то в этом роде.

И так далее. Бен рассеянно слушал, отвечал, когда к нему обращались, а потом, внезапно ощутив усталость, побрел прочь, к купе кожистых зеленых деревьев, словно нарочно выращенных ради обивки психиатрических кушеток.

Запах Дельмака-Ноль показался ему малоприятным – как будто поблизости трудилась мусороперерабатывающая фабрика. «Ничего, – успокоил он себя, – через пару дней привыкну».

«Странный народ подобрался в поселке, – подумал Бен. – Люди кажутся слишком... – он поискал подходящее слово, – слишком яркими. Да, точно. Каждый из них – уникам, и каждый словоохотлив».

«И все они здорово нервничают, – запоздало понял он. – Ничего удивительного: они, как и я, не знают, почему здесь оказались. Но это, похоже, не единственная причина для беспокойства».

Узнать эту причину он пока не мог, а потому обратил свое внимание вовне, стремясь объять им зеленокорые деревья, дымчатое небо над головой и низкую траву, похожую на крапиву, под ногами.

Невзрачный мир, решил Бен, испытывая разочарование. Немногим лучше, чем на корабле. Впрочем, Бетти Джо Бем говорила о необычных формах жизни за периметром колонии. Так что вряд ли можно экстраполировать на всю планету впечатление от этого крошечного участка. Надо поглубже вникнуть в суть, надо побывать вдали от колонии. Это и всех остальных касается. А что еще тут делать? Только изучать обстановку, по крайней мере, до получения инструкций со спутника. «Надеюсь, скоро прибудет Морли, – подумал Бен. – И тогда мы сможем начать».

К его правому ботинку подобрался жук, замер на несколько секунд, а затем достал миниатюрную телевизионную камеру. Объектив покачался и нацелился точно в лицо Бену.

– Привет, – сказал он жуку.

Тот, явно удовлетворенный, убрал камеру и пополз прочь.

«Для кого он это сделал? – удивился Бен. – Или для чего?»

Он поднял ногу, подчиняясь глупой мысли раздавить жука, но в последний миг передумал. Подошел к Бетти Джо Бем и спросил:

– Когда вы прибыли, здесь уже были жуки-наблюдатели?

– Они появились после того, как были построены дома. Мне кажется, жуки безобидны.

– Но вы в этом не уверены.

– А что от нас зависит? Мы их сначала уничтожали, но тот, кто их делает, присылал новых.

– Вам бы не мешало проследить до гнезда, или что там у них, и разузнать...

– Не «вам», мистер Толчиф, а «нам». Вы – такой же объект операции, как и все остальные. И вам известно ровно столько же, сколько и нам, не больше и не меньше. Вот получим инструкции, тогда, возможно, и поймем, чего от нас хотят – или чего не хотят – люди, по чьей воле мы здесь собрались. Не исключено, что мы здесь как раз для изучения местной живности. Посмотрим. А пока не желаете ли кофе?

– Давно вы уже тут? – спросил Бен, когда они сидели у пластиковой стойки мини-бара и потягивали кофе из сероватых пластмассовых чашек.

– Первым прилетел Уэйд Фрэйзер, психолог, примерно два месяца назад. Остальные прибывали совершенно беспорядочно. Надеюсь, скоро мы увидим и Морли. Не терпится выяснить, для чего нас тут собрали.

– Уверены в том, что Уэйд Фрэйзер этого не знает?

– То есть? – растерянно заморгала Бетти Джо Бем.

– Он – первый. Ждал остальных. В смысле нас. Что, если это тайный психологический эксперимент под управлением Фрэйзера?

– Мы боимся не этого, – проговорила Бетти Джо Бем. – Нам не дает покоя одна страшная мысль: нет явного смысла в нашем присутствии на планете, как нет и возможности покинуть ее. Каждый прибыл на носаче, это было обязательным условием перевода. Ну а носач на обратный рейс не рассчитан. Без посторонней помощи нам не выбраться нипочем. Может быть, это тюрьма, мы такой вариант обсуждали. Может быть, каждый из нас что-то совершил, или кто-то так полагает... – Она встревоженно смотрела на него добрыми серыми глазами. – Мистер Толчиф, а вы ничего плохого не сделали?

– То есть?

– Вы не преступник?

– Насколько мне известно, нет.

– С виду обыкновенный человек.

– Спасибо.

– В том смысле, что на злодея не похожи.

Она встала, прошла по тесной комнате к буфету.

– Как насчет «Сигрэмс В. О.»?

– Отлично, – обрадовался Бен.

Они сели пить кофе с канадским виски. Вскоре пришел доктор Милтон Бабл, заметил их и тоже расположился у стойки.

– Второсортная планета, – заявил он Бену без околичностей, кривя небритое плоское лицо. – Самая что ни на есть второсортная. Спасибо, – буркнул он, принимая чашку кофе из рук Бетти Джо Бем. Глотнул, по-прежнему с гримасой отвращения. – Что это? – вскинулся он и обнаружил бутылку «Сигрэмс В. О.». – О черт! – разозлился еще пуще доктор. – Зачем портить кофе? – Он отставил чашку и нахохлился.

– Я думала, вам поможет, – объяснила Бетти Джо Бем.

– А ведь забавно, – сказал доктор Бабл. – Я о том, какая здесь подобралась компания. Вот послушайте, Толчиф. Я тут уже месяц и до сих пор не нашел собеседника. По душам поговорить не с кем. Каждый целиком занят собственной персоной, до других ему никакого дела нет. Конечно, вы, Бетти Джо, исключение.

– Я не обижаюсь, – сказала Бетти Джо Бем. – Это правда. Мне нет дела ни до вас, Бабл, ни до кого другого. Хочу только, чтобы меня оставили в покое. – Она повернулась к Бену. – В нас просыпается любопытство, когда кто-нибудь совершает посадку... как было, когда прилетели вы. Но после того как мы немного послушаем новичка... – Она взяла из пепельницы сигарету и молча затянулась. – Без обид, мистер Толчиф, но с вами будет так же, как со всеми остальными. Предсказываю. Пообщаетесь с нами какое-то время, и... – Она помолчала, хватая правой рукой воздух, как будто физически вылавливала подходящее слово. – Возьмем Белснора. Он способен думать только о холодильнике. У него фобия: а ну как сломается агрегат? Тогда всем нам конец. Белснор верит, что только работа холодильника не дает нам свариться. – Говоря, Бетти Джо Бем жестикулировала кистью с сигаретой.

– Он вполне безобиден, – заметил доктор Бабл.

– Так мы тут все безобидны. – Бетти Джо Бем снова обратилась к Бену: – Мистер Толчиф, а знаете, чем я занимаюсь? Таблетки глотаю. Сейчас покажу. – Она раскрыла сумочку и достала пузырек. – Вот, гляньте, – повертела она пузырек перед Беном. – Синие – стелазин, я его употребляю как противорвотное. Вообще-то у него другое предназначение, это прежде всего транквилизатор, при суточных дозах менее двадцати миллиграммов. В большем количестве – антигаллюциноген. Но мне оба этих свойства ни к чему. Так вот, проблема в том, что стелазин расширяет сосуды. Бывает, после дозы мне трудно стоять. Гипостаз... вроде так называется.

– Поэтому она принимает еще и сосудосуживающее, – проворчал Бабл.

– Вот эти белые малютки, – показала Бетти Джо Бем, – метамфетамин. А зеленые капсулы...

– В один прекрасный день из них вылупятся очень необычные птенцы, – пообещал доктор Бабл.

– Вы это к чему? – спросила Бетти Джо Бем.

– Просто они похожи на разноцветные птичьи яйца.

– Понятно. Но все равно, странно от вас такое слышать. – Сняв крышку с пузырька, Бетти Джо Бем высыпала на ладонь несколько пилюль. – Красные – это, конечно, пентабарбитал, снотворное. Желтенькие – норпрамин, блокирует седативное воздействие тиоридазина на центральную нервную систему. А вот эта квадратная оранжевая таблетка – новинка. Пять слоев, каждый срабатывает в свое время, по принципу периодического действия. Очень эффективный стимулятор ЦНС. А вот это...

– Тиоридазин успокаивает центральную нервную систему, а она его принимает заодно со стимулятором ЦНС, – вмешался Бабл.

– А они не гасят друг друга? – спросил Бен.

– Ну... можно сказать и так, – кивнул Бабл.

– Не гасят, – ответила Бетти Джо Бем. – Я способна почувствовать разницу, субъективно. И точно знаю: таблетки мне помогают.

– Она даже литературу специальную читает, – сообщил Бабл. – Носит с собой справочник по психиатрии, с описанием побочных эффектов, противопоказаниями, дозировкой и прочим. О своих любимых таблетках знает не меньше, чем я. Да пожалуй, не меньше, чем производители. Покажите ей таблетку, любую таблетку, и она расскажет, что это за лекарство, и для чего предназначено, и... – Он рыгнул, уселся на стуле повыше и рассмеялся, а затем сказал: – Помню один препарат, так у него побочные эффекты – вы не поверите – конвульсии, кома и затем смерть, это при передозе. А в справочнике, сразу после конвульсий, комы и смерти,

сказано: возможно появление зависимости. Как вам нравится такой антиклимакс? – Он снова засмеялся, а потом засунул в ноздрю смуглый волосатый палец. – Странный мир, – прошептал доктор. – Очень странный.

Бен еще выпил «Сигрэмс В. О.». От виски тело заполнилось знакомым теплым сиянием. В какой-то момент он заметил, что не обращает внимания на доктора Бабла и Бетти Джо Бем. Ушел в замкнутый мирок своих раздумий, собственного бытия; ощущение было приятное.

В дверной проем просунул голову Тони Дункельвельт, фотограф и почвовед, и сообщил:

– Носач садится. Должно быть, это Морли.

Хлопнула дверь-ширма, Дункельвельт убежал.

Привстав над стулом, Бетти Джо Бем сказала:

– Надо идти. Наконец-то мы все в сборе.

Доктор Бабл тоже поднялся.

– Пошли, Бабл. – Она направилась к двери. – И вы, Осьмушка-Индейского-Вождя.

Бен допил кофе с виски, пьяно встал и вышел следом за мужчиной и женщиной под лучи солнца.

Глава 4, в которой Мэри Морли узнает, что оказалась в интересном положении и последствия этого события непредсказуемы

Сет Морли заглушил тормозные дюзы, расстегнул ремень безопасности и жестами велел Мэри сделать так же.

– А то я не знаю? – буркнула она. – Не надо со мной, как с ребенком.

– Все злишься на меня, – проговорил Сет, – а ведь я идеально вел носач. Всю дорогу.

– Вел? – усмехнулась она. – Ну да, на автопилоте, по лучу. Впрочем, ты прав, я должна тебе спасибо сказать. – Благодарности в ее голосе не звучало.

Но Сету Морли было все равно, он думал о другом.

Сет вручную раздраил люк. В отверстие хлынул зеленый солнечный свет, и он, притенив глаза ладонью, увидел чуть ли не пустыню, с чахлыми деревьями и еще более чахлой травой. Слева маячило хаотичное скопление малопривлекательных построек – колония.

К носачу приближалась группа людей, некоторые приветственно махали руками, Сет тоже помахал.

– Здравствуйте. – Он слез по железным скобам на землю, повернулся, чтобы помочь Мэри, но она оттолкнула его руку и спустилась самостоятельно.

– Привет, – обратилась к Сету подошедшая шатенка с незапоминающимся лицом. – Рады вас видеть. Вы – последний.

– Я Сет Морли, – представился он. – А это Мэри, моя жена.

– Мы знаем, – кивнула шатенка. – Сейчас я всех представлю. – Она указала на мускулистого юношу. – Игнац Таг.

– Рад встрече. – Морли пожал ему руку. – Я Сет Морли, а это моя жена Мэри.

– А я Бетти Джо Бем, – сказала шатенка. – Вот этот джентльмен, – повернулась она к пожилому человеку, который сутулился, как от усталости, – наш сторож Берт Кослер.

– Рад знакомству, мистер Кослер. – Энергичное рукопожатие.

– Я тоже рад видеть вас, мистер Морли. И миссис Морли. Надеюсь, вам здесь понравится.

– Наш фотограф и почвовед Тони Дункельвельт. – Мисс Бем показала на подростка с лошадиным лицом.

Тот недобро зыркнул на Сета и не подал руку.

– Добрый день, – сказал ему Морли.

– Добрый. – Парень уткнулся взглядом себе под ноги.

– Мэгги Уолш, специалист по теологии.

– Очень приятно, мисс Уолш. – Опять крепкое рукопожатие.

Какая симпатичная женщина, подумал Сет.

Тут же приблизилась еще одна красотка, в свитере, туго облегающем пышный бюст.

– Кто вы по профессии? – спросил он, пожав девушке руку.

– Делопроизводство и машинопись. Меня зовут Сьюзан.

– А фамилия?

– Смат.

– Хорошая фамилия.

– Я так не считаю. Меня тут прозвали Сьюзи Дам. Вообще-то не смешно.

– Совсем не смешно, – кивнул Сет.

Жена больно пихнула его локтем в бок. Будучи хорошо выдрессирован ею, Сет миг прекратил разговор с мисс Слат и повернулся к тощему индивидууму с крысиным взглядом. Тот подавал похожую на клин руку – Сету даже показалось, у ладони заострены края. Возникло невольное отторжение: не хотелось пожимать эту кисть, не хотелось узнавать этого человека.

– Уэйд Фрэйзер, – назвал себя индивидуум с крысиным взглядом. – В поселке выполняю обязанности психолога. Между прочим, я каждому по его прибытии даю апперцепционный тематический тест. Не мешало бы и вам обоим его пройти, и лучше сегодня.

– Конечно, – с сомнением пообещал Сет.

– А этот джентльмен, – продолжала мисс Бем, – наш врач, Милтон Джи Бабл с Альфы-Пять. Мистер Морли, скажите доктору «здравствуйте».

– Доктор, рад познакомиться. – Рукопожатие.

– Мистер Морли, похоже, у вас лишний вес, – заявил доктор Бабл.

– Гм... – произнес Сет.

От группы отделилась старая женщина, очень высокая и прямая. Она шла, опираясь на трость.

– Мистер Морли. – Дама протянула легкую вялую руку. – Я Роберта Рокингэм, социолог. Рада познакомиться с вами. Надеюсь, путешествие было приятным и не слишком хлопотным.

– Все прошло отлично. – Морли осторожно пожал хрупкую маленькую кисть.

«Судя по внешности, ей сто десять лет, – подумал он. – И в таком возрасте человек ухитряется работать! Как же она сюда добралась?» Невозможно было представить ее за пультом управления носача в межпланетном пространстве.

– Каково предназначение колонии? – спросила Мэри.

– Часа через два мы это узнаем, – ответила мисс Бем. – Как только Глен... Глен Белснор, наш электронщик и компьютерщик, выведет на орбиту спутник.

– То есть вы не знаете? – опешил Сет. – Вам не сказали?

– Да, мистер Морли, – грудным старческим голосом произнесла миссис Рокингэм. – Но скоро придет конец долгому ожиданию. Как приятно будет узнать, зачем всех нас здесь собрали. Согласитесь, мистер Морли: выяснить, какова наша общая цель, – это же просто чудесно!

– И верно, – кивнул Сет.

– Значит, мистер Морли, вы согласны со мной. Думаю, это прекрасно, что все мы способны прийти к согласию. – И пожилая дама добавила тихо и со значением, глядя Сету в глаза: – Боюсь, мистер Морли, есть одна сложность. Мы не имеем общей цели. Межличностная активность находится на крайне низком уровне, но она, конечно, будет повышаться, ведь теперь мы можем... – Она наклонила голову, чтобы кашлянуть в крошечный носовой платок. – Да, все это очень хорошо, – закончила она.

– Не согласен! – заявил Фрэйзер. – Предварительное тестирование показывает, что в общем и целом собранная здесь группа имеет ориентацию на эго. Каждый проявляет стойкую тенденцию уклонения от ответственности. Мне трудно понять, почему некоторые из этих людей оказались здесь.

– Я заметил, вы не говорите «мы», – обратился к нему хмурый крепыш в рабочей одежде. – Вы говорите «они».

– Мы, они, – сопроводил нервным жестом свои слова психолог. – Вы показываете симптомы навязчивых расстройств. Что касается группы, то накопилась весьма интересная статистика, и она говорит о психической неуравновешенности каждого участника.

– Мне так не кажется, – тихим, но твердым голосом заявил мрачный индивидуум. – Мне кажется, среди нас только один псих, и это вы. Тронулись умом, носясь со своими идиотскими тестами.

Эти слова вызвали бурный спор. В нем участвовали почти все; царила сушая анархия. Сет подошел к мисс Бем и спросил:

– В этой колонии начальник есть? Вы?

Пришлось повторить дважды, чтобы она услышала.

– На эту должность никого не назначали и не выбирали, – ответила она громко, перекрывая гвалт. – Есть у нас такая проблема, помимо других. И нам придется как-то ее... – Конец фразы потонул в чужом гомоне.

– Мы на Бетельгейзе-Четыре огурцы выращивали, и вовсе не в лунном свете, это все слухи. Если на то пошло, Бетельгейзе вообще без луны...

– Я Его ни разу не встречал. Надеюсь, и не встречу.

– Однажды увидите.

– Присутствие лингвиста в нашем штате означает, что здесь есть разумные организмы, но пока мы этого не выяснили, ведь наши экспедиции носили неформальный характер, что-то вроде пикников, научными их не назовешь. Конечно, все изменится, когда...

– Ничего не изменится. Что бы ни утверждала теория Спектовски о вхождении Бога в историю и новом начале движения времени.

– Нет, вы поняли неверно. До пришествия Заступника борьба продолжалась долго, очень долго. Теперь же, в Эпоху Спектовски, все происходит быстро и относительно легко, я имею в виду прямые контакты с Проявлениями. Этим-то и отличается наше время от двух тысяч лет после первого пришествия Заступника.

– Если вам интересны подобные темы, обращайтесь к Мэгги Уолш. Меня теология не привлекает.

– Мистер Морли, а вы вступали в контакт с каким-нибудь Проявлением?

– Вообще-то да. Не далее как вчера... в среду по времени Текела Упарсина меня посетил Ходящий-по-Земле, чтобы сообщить о неисправности выбранного мною носача и таким образом спасти нас с женой от верной смерти.

– Спасение, стало быть. Что ж, его вмешательство с такой целью должно вам льстить.

– Дома – полное барахло. Вот-вот развалится. В холодную пору не обогреешь, в жаркую не добьешься прохлады. Знаете, что я думаю? Я думаю, этот поселок рассчитан на очень короткий срок. Какая бы чертовщина ни происходила, долго мы тут не задержимся. Если я ошибаюсь, то нам придется многое делать с нуля, вплоть до прокладки экранированного кабеля.

– По ночам пищит какое-то насекомое, а может, растение. Вы, мистер и миссис Морли, первые день-два промаетесь без сна. Да, я к вам обращаюсь, только из-за шума это нелегко. Под днем я, конечно, подразумеваю двадцатичетырехчасовой период. В светлое время оно не пищит. Да вы сами услышите.

– Эй, Морли, не берите дурной пример с других, не называйте Сьюзи дурой. Она, между прочим, вовсе не глупая.

– И симпатичная к тому же.

– А вы заметили ее...

– Я-то заметил, но... у меня жена, сами понимаете. Она на такие вещи реагирует нервно, так что давайте лучше сменим тему.

– Хорошо, как скажете. Мистер Морли, а вы на каком поприще подвизаетесь?

– Специалист по морской биологии.

– Извините, непонятно. Мистер Морли, вы сейчас ко мне обращались? Повторите, будьте любезны.

– Да, надо громче говорить. Она глуховата.

– Я сказал, что...

– Вы ее пугаете. Не стойте так близко.

– Можно тут раздобыть чашку кофе или стакан молока?

– Попросите Мэгги Уолш, она даст. Или к Бетти Джо Бем обратитесь.

– О господи, как же добиться, чтобы кофеварка, зараза такая, выключалась при достаточном нагреве! Снова и снова кипятит кофе!

– Не понимаю, почему не работает общественная кофеварка, эту технику еще в начале двадцатого века довели до совершенства. Что еще в ней осталось, чего мы не знаем?

– А вспомните, как было с ньютоновской теорией цветов. К концу восемнадцатого столетия ученым казалось, будто о цветах им известно все...

– Да вы всегда приводите этот пример. У вас навязчивая идея.

– А после появился Ленд с двухцветным проецированием и теорией светового восприятия, и тупиковая стена разлетелась вдребезги.

– Вы хотите сказать, у саморегулирующихся кофеварок есть какие-то тайны? И мы заблуждаемся, считая, будто знаем все?

– Что-то в этом роде.

И так далее.

Застонав, Сет Морли пошел прочь от группы, к скоплению громадных обточенных водой камней. Значит, когда-то здесь был крупный водоем. Наверное, вода ушла без остатка.

Долговязый мрачный индивидуум в спецовке тоже отделился от группы, зашагал вслед за Сетом.

– Глен Белспор. – Он протянул руку.

– Сет Морли.

– Морли, мы – толпа. С тех пор как я сюда прибыл, сразу за Фрэйзером, – никакого порядка. – Белспор презрительно сплюнул на траву. – А знаете, что Фрэйзер пытался сделать? Поскольку здесь он оказался первым, решил стать лидером группы. Даже сказал нам... мне говорил, например, что имеет инструкции, которые можно понять как подразумевающие его руководство. Именно так и выразился. Возможно, в этом что-то есть. Прилетел первым, ко всем пристаёт с дурацкими тестами и во всеуслышание комментирует «статистические аномалии».

– Компетентный психолог, настоящий специалист никогда не оглашает свои выводы. – Подошел человек, не представленный Сету, подал руку. На вид ему было немного за сорок; великоватая нижняя челюсть, кустистые брови, черные лоснящиеся волосы. – Я Бен Толчиф, – сообщил он Сету. – Прибыл как раз перед вами.

Сету показалось, что он нетвердо держится на ногах, как после двух-трех стаканчиков виски.

Они пожали друг другу руки.

«Вроде нормальный парень, – подумал Сет. – Пусть и выпил лишку. Аура у него не такая, как у других. Но может, другие тоже были нормальными, пока не очутились здесь. Что-то заставило их измениться... Оно и нас изменит. Толчифа, Мэри, меня. Рано или поздно...»

Предположение это его не обрадовало.

– Сет Морли, – представился он. – Морской биолог, раньше был в штате кибуца Текел Упарсин. А у вас какая специальность?

– Квалифицированный натуралист, класс Б. На корабле делать было почти нечего, а полет длился десять лет. Поэтому я молился, через бортовой передатчик. Какая-то станция приняла мою просьбу и переслала Заступнику. А может, Мыслетворцу. Но думаю, все-таки первому, так как не было переброски назад во времени.

– Так вы здесь благодаря молитве? – удивился Сет. – Очень интересно. А вот мне явился Ходящий-по-Земле, когда я искал носач для полета сюда. К тому моменту я уже сделал выбор, но он оказался неверным. Ходящий сказал, что на этом носаче мы с Мэри не доберемся до цели. – Он вдруг почувствовал, что проголодался. – Тут можно еду найти? Мы с Мэри сегодня еще ничего не ели, двадцать шесть часов в полете.

Ответил Глен Белспор:

– Мэгги Уолш будет рада намешать для вас какой-нибудь гадости, которая здесь считается пищей. Мороженые бобы, мороженая эрзац-телятина, кофе из гребаной саморегулирующейся кофеварки, барахлящей с самого начала. Пойдет?

– За неимением лучшего. – Сет помрачнел.

– Волшебство уходит быстро, – сказал Бен Толчиф.

– В смысле?

– Волшебство этого места. – Толчиф повел вокруг рукой, показывая скалы, кривые зеленые деревья, скопление низких, похожих на нищенские лачуги, домов – а другими постройками колония не располагала. – Да вы же сами видите.

– Не судите скоропалительно, – возразил Белснор. – На планете есть и другие сооружения.

– Имеете в виду туземную цивилизацию? – заинтересовался Сет.

– Имею в виду вещи, остающиеся загадкой для нас. Тут есть здание. Я его заметил однажды, бродя по округе. А придя туда во второй раз, уже не нашел. Здоровенный серый домина. Правда огромный. С башенками, окнами... По-моему, восемь этажей. И не только я видел это здание, – добавил он, будто оправдываясь. – Бем, Уолш. Фрэйзер говорит, что видел, но ведь он и соврать может. Не похоже, что его тянет на поиски приключений.

– А в здании кто-нибудь живет? – спросил Сет.

– Не могу сказать. Издалека мы мало что разглядели, а близко никто не подходил. Очень уж вид у него... – Белснор замялся в поисках слова, – предостерегающий.

– Хотелось бы посмотреть, – сказал Толчиф.

– Сегодня уже никто не выйдет из поселка, – ответил Белснор и пояснил: – Вот-вот может появиться связь со спутником, мы получим инструкции. Это ведь сейчас самое важное. – Он снова плюнул на траву, на этот раз задумчиво.

Доктор Милтон Бабл глянул на наручные часы и подумал:

«Полпятого, и я скис. Должно быть, слишком мало сахара в крови. Верный симптом – усталость в конце дня. Надо бы принять глюкозу, прежде чем это станет серьезным. Мозг просто не может функционировать без нормального содержания сахара. А что, если развивается диабет? Такое запросто может случиться, с моей-то наследственностью».

– Бабл, в чем дело? – спросила Мэгги Уолш, усаживаясь рядом с врачом в столь же спартанской, как и весь поселок, совещательной комнате. Она подмигнула, отчего он вмиг разозлился. – Опять нездоровится? Чахотка гложет, как даму с камелиями? Что на этот раз?

– Гипогликемия, – ответил он, рассматривая свою руку, лежащую на подлокотнике кресла. – Плюс некоторая экстрапирамидальная нейромышечная активность. Моторный тик дистонического характера. Не очень комфортно.

Он ненавидел эти ощущения: большой палец дергается, будто скатывает хлебный шарик; язык скручивается в трубочку. Вдобавок сухость в горле. «Господи, – подумал он, – придет ли этому конец когда-нибудь?»

Но хоть герпический кератит, досаждавший ему всю прошлую неделю, унялся. Он был рад и этому. Благодарение Богу!

– Для вас тело – все равно что дом для женщины, – сказала Мэгги Уолш. – Вы его ощущаете скорее как среду обитания, чем как...

– Соматическая среда обитания – одна из самых реальных, – раздраженно перебил Бабл. – Ее мы получаем самой первой, в момент рождения, а после, когда стареем, когда Разрушитель Формы искажает наш облик и отнимает жизненную силу, мы вновь открываем простую истину: так называемый внешний мир мало что значит, если подвергается опасности наше соматическое существование.

– Вы поэтому стали врачом?

– Все гораздо сложнее, чем обычная причинно-следственная взаимосвязь. Тут предполагается дуализм. Мой выбор рода занятий...

– Эй вы, потише, – рявкнул Глен Белснор, уже несколько часов бившийся над поселковым передатчиком. – Хотите чесать языками, идите на улицу.

Его шумно поддержало несколько человек.

– Бабл, – подал голос развалившийся в кресле Игнац Таг, – вам досталась удачная фамилия. – И разразился смехом, похожим на лай.

– Вам тоже, – бросил Тагу Тони Дункельвельт.

– Тихо! – вскричал красный, потный Глен Белснор, показывая на внутренности передатчика. – Или хрен от гребаного спутника получите, а не инструкции. Если не заткнетесь, сами будете копать в этой металлической трубе. А я постою в сторонке и посмеюсь.

Бабл резко поднялся, повернулся и вышел.

Он стоял под холодными косыми лучами закатного солнца и неторопливо, чтобы не слишком стимулировать желудочную секрецию, курил трубку.

«Наша жизнь, – размышлял он, – в руках маленьких людей вроде Белснора. Здесь их власть. Страна одноглазых, в которой слепой – король».

«Зачем я сюда прилетел?» – спросил он себя и не получил немедленного ответа. Только вопль смятения поднялся из глубины подсознания, где бродили, жалуясь и стелая, неясные силуэты, точно забытые пациенты благотворительной психиатрической лечебницы. Они терзали Бабла, тянули его в прежний мир, в мерзейшие годы, когда на Орионе-17 он жил с медсестрой Марго, последней из его ассистенток. То был долгий и неэлегантный роман, закончившийся путаной трагикомедией – как для него, так и для нее. Она его бросила... или он ее? На самом деле, думал он, все бросают всех в таких ситуациях, когда царит неразбериха и попадает судом. Мне повезло, я вышел из игры вовремя, довольно легко отделался. Она могла бы доставить уйму хлопот. И доставляла, взяв хотя бы серьезную угрозу моему физическому здоровью, одно белковое истощение чего стоит.

Да, кстати, подумал он. Пора принять масло из проростков пшеницы, витамин Е. Надо идти домой. А заодно проглотить несколько таблеток глюкозы, от гипогликемии. Что, если я умру по дороге? Кого это расстроит? Как себя поведут остальные? Понимают они это или нет, но я играю важную роль, я необходим для их выживания. Я им нужен, но они мне нужны ли? Да, в том качестве, в каком нужен Глен Белснор. Значение имеет то, что они способны делать. Важны навыки, требующиеся для поддержания жизни в этом дурацком местечке. Для существования псевдосемьи, которая все равно никогда не станет настоящей семьей. Спасибо за это тем, кто вмешивается извне.

Придется сказать Толчифу и этому, как его... Морли. Скажу Толчифу, Морли и его жене – а она недурна собой – насчет вмешательства извне, насчет увиденного мною здания... Я подобрался к нему достаточно близко, чтобы прочесть надпись над входом. Кроме меня, вроде никто не прочел.

По гравийной дорожке он зашагал к своей квартире. Подойдя, увидел на крыльце домика четверых: Сьюзи Сгат, Мэгги Уолш, Толчифа и мистера Морли. Последний говорил, его пузо напоминало огромную паховую грыжу.

«Интересно, чем он питается?» – подумал Бабл. – Картофель, жареное мясо, к любому блюду – кетчуп, пиво. Пивного алкоголика узнать проще простого: ноздреватая кожа лица, особенно в местах волосяного покрова; мешки под глазами; одышка. Этот Морли так пытит, будто у него водянка. На самом деле почки не в порядке. Ну и конечно, с физиономии не сходит багровый цвет...

Люди, всегда потакающие своим желаниям, вроде этого Морли, совершенно не понимают – не способны понять, – что заливают в свои тела яд. Микроэмболии... Очень опасно для важных участков мозга. Но они, глупцы, не прекращают медленное самоубийство. Это регресс,

возвращение в испытательную стадию, предшествовавшую возникновению реальности. Возможно, запоздало срабатывает механизм выживания биологического вида: плохие особи самоуничтожаются, чтобы уступить место хорошим. Их самки достанутся более приспособленным к жизни, более развитым самцам».

Взойдя на крыльцо, он постоял, держа руки в карманах, послушал. Морли во всех подробностях излагал свой теологический опыт. Наверное, просто врал.

– ...«Дорогой друг», так обратился Он ко мне. Видимо, моя персона для Него что-то значила. Помог с погрузкой... На это ушло немало времени, и мы успели побеседовать. Голос у Него тихий, но я все разбирал без труда. Он не сказал ни одного лишнего слова, и вообще Он выражает свои мысли с предельной точностью. В Нем нет ничего таинственного, что бы там ни городили... Так вот, мы грузили и разговаривали о том о сем. И Он пожелал благословить меня. Почему? По Его словам, я именно тот человек, который для Него что-то значит. Он был совершенно конкретен; Он просто констатировал факт. «Я считаю, ты из тех людей, которые имеют значение, – сказал Он или выразил эту мысль похожими словами. – Я горжусь тобой, – добавил Он. – Страстной любовью к животным, сочувствием к низшим формам жизни исполнена душа твоя. Сочувствие – вот та основа, которая позволяет личности развиваться и выйти за пределы Проклятия. Такая личность, как ты, – именно то, что Мы ищем». – Морли многозначительно умолк.

– Продолжайте, – взволнованно попросила Мэгги Уолш.

– А потом Он сказал странную вещь, – сообщил Морли. – Он сказал: «Так и Я спас тебя, сохранил тебе жизнь, сочувствием побуждаемый. Я знаю: твоя огромная способность к состраданию дает тебе возможность спасать жизни как физически, так и духовно». Вероятно, Он подразумевал мою будущую деятельность на Дельмаке-Ноль.

– Но Он этого не говорил, – заметила Сьюзи Слат.

– В этом не было необходимости, – улыбнулся Морли. – Я понял все, что Он имел в виду. Если на то пошло, общаться с Ним было проще, чем с большинством знакомых мне людей. Я не о вас, конечно... черт, я же вас совсем не знаю, но вы, надеюсь, меня поняли. В Его речи не было ни трансцендентальных символических пассажей, ни метафизики вроде той галиматши, что несли шарлатаны до появления Книги Спектовски. Я неоднократно имел возможность убедиться в правоте этого автора, когда общался с Ходящим.

– Так вы Его и раньше встречали?

– Несколько раз.

Доктор Милтон Бабл не выдержал и открыл рот:

– Я тоже несколько раз видел Его. И однажды имел дело с Мыслетворцем. В сумме получается восемь контактов с Единым Истинным Божеством.

Все четверо смотрели на врача, выражения лиц были разные. У Сьюзи Слат – скептическое. Мэгги Уолш демонстрировала полнейшее недоверие. Толчиф и Морли казались заинтересованными.

– И дважды, – продолжал Бабл, – с Заступником. Так что десять встреч. Это, конечно, за всю мою жизнь.

– Вы слышали рассказ мистера Морли о его опыте, – сказал Толчиф. – Похоже на ваш?

Бабл пинком сбросил с крыльца камешек. Тот ударился в ближайшую стену, замер на земле.

– В общем и целом, да. Полагаю, мы можем в некотором роде принять на веру услышанное от мистера Морли. Но все же... – Он сделал многозначительную паузу. – Боюсь, я склонен относиться к этому скептически. Мистер Морли, вы правду рассказали о Ходящем? Может, какой-нибудь бродячий работник прикинулся Им? Вы рассматривали такую версию? Нет, я не отрицаю того, что Ходящий время от времени появляется среди нас. Это подтверждается моим личным опытом.

– Я знаю, это был Он, – рассердился Морли. – Точно знаю. Потому что Он говорил про моего кота.

– Ах да, кот. – Бабл улыбнулся не только собеседнику, но и своему внутреннему состоянию: он чувствовал глубокое и искреннее веселье, бурлящее в кровеносной системе. – Так вот откуда взялось «сочувствие к низшим формам жизни».

Угодивший в логическую западню Морли взъярился еще пуще:

– Как бродяга мог узнать про моего кота? Да и нет в Текеле Упарсине никаких бродяг. Там все работают, это же кибуц.

В сумрачной дали загремел голос Глена Белснора:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.